

Е.Э. Войтишек

С.А. Комиссаров

НГУ; ИАЭТ СО РАН; СИУ РАНХиГС

**Представление о «человеке культуры» в странах
Восточной Азии: историко-этнографические
и социально-антропологические аспекты¹**

Многогранная деятельность «человека культуры» (文人 *вэньжэнь*) в традиционных обществах Восточной Азии обусловила создание специфического информационного пространства, отражающего особенности национального менталитета. Изучение историко-культурных особенностей, взаимовлияния и закономерностей развития духовной и материальной культуры Китая, Кореи и Японии даёт возможность выделения типологически схожих явлений и специфических черт локальных культур, а также оценить направления трансформации национальных вариантов в современных условиях глобализации и интернационализации.

Концептуальная модель «человека культуры» имеет историографическую проекцию, детально разработанную как в отечественной, так и в западной синологической литературе. По определению, предложенному В.В. Малявиным, «человек культуры» *вэньжэнь* – это учёный-интеллектуал, «воплотивший в себе культурное начало», «культивирующий, возвращающий сам себя» [7, с. 80]. М.Е. Кравцова высказывает предположение, что такое понимание сформировалось со времён Конфуция, который, опираясь на традиции чжоуских канонов в понимании *вэнь*, отстаивал культ знаний (см.: [6, с. 7–9]). В своё время академик Н.И. Конрад высказал предположение, что в Древнем Китае трактовали это понятие, выделяя в человеке две стороны – природные качества его природы (質 *чжи*) и свойства, приобретённые им

© Войтишек Е.Э., Комиссаров С.А., 2014

посредством воспитания и образования (文 *вэнь*). Идеальное сочетание представлял собой человек, в котором естественность и воспитанность уравнивали друг друга [5, с. 151, 152].

Соглашаясь с тем, что Конфуций понимал *вэнь* как культуру, связанную с книжной учёностью, ритуалом и музыкой, а её гармоничное сочетание с природной основой – признаком «благородного мужа» (君子 *цзюньцзы*), А.И. Кобзев указывает также на традицию постижения культуры через каноническую литературу, сложившуюся среди конфуцианцев к III в. до н.э., когда формируется понятие «мужей, научных культур» (文學之士 *вэньсюэ чжи ши*) [4, с. 193].

Такая трактовка легла впоследствии в основу понятия «человек культуры», окончательно сложившегося в Китае в Средние века, когда конфуцианский термин *цзюньцзы* («человек высоких достоинств», «благородный муж») стал употребляться наряду с *вэньжэнь*.

В.В. Малявин указал на два фактора, непременно сопровождавших жизнь средневекового «человека культуры»: «чиновничья служба и свободное служение музам», то есть занятия, опирающиеся на владение разнообразными формами досуга и приносящие радость творчества. Такое состояние он называет «праздностью», имеющей отношение не к лености и безделью, а к стихии игры, бесконечному открытию горизонтов своего опыта [7, с. 81–95]. В основе взглядов «человека культуры» лежало особое видение мира через призму ценностных стандартов возвышенного и вульгарного, внимание к красотам природы и поиску изысканности в каждом фрагменте бытия.

Эта модель социального поведения распространяется и на другие страны конфуцианской цивилизации. Например, в Корее с периода позднего Когурё (901–918) в среде учёных-чиновников также формируется (заимствуется и адаптируется) представление о «людях культуры» 文人 *мунъин* [3].

Становление и реализация основных принципов указанной модели происходило (в том числе) через богатейшие игровые практики, созданные на Востоке за более чем два тысячелетия. Существенную часть интеллектуальной деятельности «человека культуры» занимают развлечения, использующие преимущества иероглифической письменности и основывающиеся на соединении слова и изображения, на визуализации идеи высказывания.

Как пример можно привести традицию составления палиндромов – китайских иероглифических загадок, записанных стихотворными лабиринтами в виде персонажей буддийского пантеона, круглого блюда или кувшина, куска парчи, силуэта животного или растения [1, с. 63–68].

Тот же принцип используется в дальневосточном искусстве, где каллиграфия и живопись неразделимы (см.: [8]). Неслучайно в искусстве Дальнего Востока сложилось устойчивое понятие 文人画 «живопись литераторов», или «живопись культурных людей» (кит. *вэнь-жэнь-хуа*, кор. *мунъин-хва*, яп. *бундзин-га*). Эстетика этого стиля подразумевала тесную связь живописи с литературной традицией, с развитыми игровыми практиками, когда «человек культуры» нередко нарочито «играл» иероглифами, стилизованными под понятийно-предметный, антропоморфный и растительно-животный орнамент.

Здесь уместно также вспомнить такой феномен традиционной культуры, как игры и церемонии «винного / застольного приказа» (кит. 酒令 *цзюлин*) – специфический вид элитарного досуга, сопровождавшегося ритуальным винопитием. Приготовление и употребление различных напитков (главным образом, чая и вина) в традиционных обществах часто связано с ритуальными предписаниями и манипуляциями, диктующими выбор коллективных действий в жёстких обрядово-этикетных рамках. Игры и ритуалы «винного приказа» подразумевали культурный досуг как демократичного азартного характера (с использованием различного инструментария типа костей, кубиков, фишек), так и сугубо элитарного, требующего знания классического философского и литературного наследия [1, с. 166–177].

Эти развлечения первоначально сформировались в рамках средневековой китайской цивилизации, а затем естественным образом укоренились в странах всего региона. Специфические полусветские-полусакральные сезонные церемонии 曲水流觞 (букв. «чарка, плывущая по изогнутой воде») проводятся у извилистых ручьёв в парках и садах Китая (с IV в.), Кореи (с V–VI вв.) и Японии (с V в.) вплоть до настоящего времени [1, с. 167–169]. Обряды и состязания, связанные с сочинением стихов и их последующей декламацией и каллиграфическим записыванием, с вкушением вина на лоне природы перед собравшимися зрителями, можно считать воплощением игрового поведения, которое сродни традиционным театрализованным представлениям.

Искусство «винного приказа», носившее синергетический характер, выполняло определённую социальную и идеологическую функции, способствуя поддержанию культа знаний и интеллектуальных способностей. Созданные сообществом «литераторов» игровые практики являлись необходимым условием социализации культурного человека на Дальнем Востоке, залогом его успешной чиновничьей карьеры. Это оказало существенное влияние на становление таких важных социальных характеристик как игровое поведение и интеллектуальное соперничество. Благодаря деятельности интеллектуалов

вэньжэнь за многие сотни лет в Китае и других странах конфуцианской цивилизации выработано большое количество видов элитарного досуга, которые также носили комплексный характер, взаимодействуя и переплетаясь друг с другом.

Так, искусство благовоний было тесно связано с чайной церемонией и аранжировкой цветов². В Японии их объединяют в «три главных искусства» страны [14]. Их развитие дало значительный импульс развитию национальных видов традиционного искусства и художественного ремесла, что позволило им сохраниться до наших дней. Например, в современной Японии, прежде всего, в историко-культурных центрах (Киото, Нара, Нагоя, Сэндай и др.) успешно действуют арт-галереи благовоний, объединяющие сеть мини-фабрик по производству ароматических средств и салонов по продаже принадлежностей искусства 香道 *ко:до*: (букв. «путь аромата»). Они представляют собой своеобразные клубы-школы с проведением практических занятий в сочетании с исследовательскими центрами, реконструирующими средневековые традиции [1, с. 187–218, 246, 247; 11].

Посредством многократно повторенных обязательных церемониальных действий и их закрепления в разнообразной игровой форме шлифовалось и совершенствовалось мастерство участников ритуала. Изучение состязательно-игровых форм чайного действия и искусства составления цветочных и ароматических композиций представляет собой самостоятельное направление исследований деятельности «человека культуры» – наряду с археологическим, искусствоведческим и медицинским аспектами развития этих факторов культуры.

Оценка и переоценка роли традиционных интеллектуальных развлечений в рамках социально-психологических проблем настоящего времени, порождаемых глобализацией и вестернизацией, оказывает воздействие на усилия современных политических деятелей по духовному объединению разных поколений через приобщение к национальным традициям. Проверенная веками поведенческая модель призвана стимулировать адаптивные возможности общества по преодолению механизмов азарта, принявшего во многих странах, в том числе Дальневосточного региона, патологические формы игромании [2].

По справедливому замечанию А.И. Кобзева, категория *вэнь* и в настоящее время не утратила своей многозначности, выступая, с одной стороны, как обозначение письменности (文字 *вэньцзы*), а с другой стороны, в значении цивилизации (文明 *вэньмин*) и культуры (文化 *вэньхуа*) в самом широком понимании [4, с. 194].

При этом в трактовке сущности понятия «человек культуры» происходят некоторые перемены – дискуссии на эту тему в научном сообществе до сих пор продолжаются [9; 13]. В настоящее время это

понятие стремительно сужает свои границы: в отличие от разносторонне одарённых «людей культуры» *вэньжэнь* в традиционном понимании, современные интеллектуалы чаще всего ведут узкопрофессиональную деятельность, редко совмещая даже такие близкие умения, как живопись, каллиграфия и литературное творчество, – способность к синтезу искусств на сегодняшний день практически утеряна. В этих условиях вызывают уважение усилия национальных правительств стран Восточной Азии по возрождению ценностей традиционной культуры.

Всестороннее изучение механизмов трансформации традиционной категории «человека культуры» в современную антропологическую модель позволит выйти на новый уровень осмысления взаимосвязи традиций и инноваций в современном мире.

Примечания

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 14-01-00507а.

² В последние годы именно этому направлению, долгое время находившемуся в тени других «интеллектуальных забав», уделяется особое внимание в китайской, корейской и японской историографии. Специалисты обосновывают выделение особой «культуры благовоний» (см.: [10; 11; 12; 15; 16; 17]), отмечая необычайно возросшую активность в этом направлении: создание тематических объединений; проведение форумов, выставок и обучающих семинаров; выпуск научно-популярной литературы, фильмов и передач; обсуждение различных аспектов этого явления в социальных сетях. Большую роль в сохранении и популяризации традиционной китайской культуры благовоний играют музеи, в том числе специальный Тяньцзиньский музей искусства аквильрии (天津沉香艺术博物馆) [18]. С его помощью в Шаньдунском музее с декабря 2013 г. по июнь 2014 г. проводится Выставка китайской культуры аквильрии «Неуловимые связи» («空灵之约 — 中国沉香文化展»), где представлены ценные ароматические вещества и утварь для воскурения благовоний разных эпох (всего 238 экспонатов) [19]. Кроме того, во время майских каникул 2014 г. в г. Фучжоу был проведён масштабный «Праздник культуры благовоний» [20]; и т.п.

Литература

1. *Войтишек Е.Э.* Игровые традиции в духовной культуре стран Восточной Азии (Китай, Япония, Корея): 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2011. 312 с., 44 ил.

2. *Войтишек Е.Э., Комиссаров С.А.* Игромания по-восточному // Наука из первых рук. 2007. № 3. С. 90–101.

3. *Войтишек Е.Э., Шмакова А.С.* Содержание и значение понятия *муньин* в контексте конфуцианской трансформации средневекового корейского общества // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 4: Востоковедение. С. 86–92.

4. *Кобзев А.И.* Вэнь // Духовная культура Китая: энциклопедия в 5 т. М.: Вост. лит., 2006. Т. 1: Философия / Под ред. *М.Л. Титаренко, А.И. Кобзева, А.Е. Лукьянова.* С. 192–194.
5. *Конрад Н.И.* Древнекитайская литература // История всемирной литературы. М.: Наука, 1983. Т. 1. С. 151–152.
6. *Кравцова М.Е.* Хрестоматия по литературе Китая. СПб.: Азбука-Классика, 2004. 765 с.
7. *Малявин В.В.* Сумерки Дао. М.: Астрель, АСТ, 2003. 439 с.
8. *Соколов-Ремизов С.Н.* Литература. Каллиграфия. Живопись: К проблеме синтеза искусств в художественной культуре Дальнего Востока. М.: ГРВЛ, 1985. 311 с.
9. *Соколов-Ремизов С.Н.* Живопись и каллиграфия Китая и Японии на стыке тысячелетий в аспекте фугурологических предположений: Между прошлым и будущим. М.: Либроком, 2009. 256 с.
10. *Каори то ко:до:* (Ароматы и искусство благовоний). Токио: Оямакаку, 2002. 295 с.
11. *Ко:сэндзай.* Ко: га катару нихон бунка си (Тысячелетие благовоний: История культуры Японии через язык ароматов). Киото: Мицумура суйко сёин, 2001. 72 с.
12. *Линь Сяньюнь.* Сяньвэй шицзе (Мир ароматов). Пекин: Хуасюэ гунъе чубаньшэ, 2011. 226 с.
13. *Сунь Юйсян.* Сяньдай вэньжэньдэ инь юй тун (Тайна и боль современного «человека культуры»). Гуанчжоу: Чжунго юи чубань гунсы, 2010. 158 с.
14. *Тя-хана-ко:* Тю:сэй-ни умарэта сэйкацу бунка (Чай–цветы–благовония: Бытовая культура Средневековья). Фукуяма: Хиросима-кэн, 1995. 138 с.
15. *Фу Цзинлян.* Чжунго сян вэньхуа (Культура благовоний Китая). Цзинань: Цилу шушэ, 2008. 315 с.
16. *Чжан Фань, Цзян Юэцзинь.* Чэньсян шоуцан жумэнь байкэ (Элементарная энциклопедия по аквилярии). Пекин: Хуасюэ гунъе чубаньшэ, 2014. 156 с.
17. *Чосонсидэ* хянемунхвава сэнхваль (Культура благовоний и повседневная жизнь в эпоху Чосон). Пусан, 2010. 37 с.

Интернет-ресурсы

18. Боугуань цзяньцзе (Краткое представление музея) // Сайт Тяньцзиньского музея искусства аквилярии. URL: <http://www.chenxiang-art.com/bwgjj.html> (дата обращения 30.04.2014).
19. Кунлин чжи юэ – чжунго чэньсян вэньхуа чжань (Выставка китайской культуры аквилярии «Неуловимые связи») / Ред. *Ван Юйцзюань* // Сайт Шаньдунского музея. 30.12.2013. URL: <http://www.sdmuseum.com/show.aspx?id=6809&cid=84> (дата обращения 30.04.2014).
20. *Чэнь Синьюй.* Фучжоу шоуцзе сян вэньхуа цзе цзяньюй «уй» кайму (Первый праздник культуры благовоний в Фучжоу начнётся Первого мая) // Новостной портал «Дуннаньван» (г. Шанхай), 28.04.2014. URL: http://fjnews.fjsen.com/2014-04/28/content_13973094.htm (дата обращения 30.04.2014).